

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.			
Безъ достав.	Съ дост. и перес.	На годъ 5 р. — к.	На годъ 6 р. — к.
— 11 м. 4 » 75 »	— 11 м. 5 » 75 »	— 10 » 4 » 50 »	— 10 » 5 » 50 »
— 9 » 4 » 25 »	— 9 » 5 » — »	— 8 » 4 » — »	— 8 » 4 » 50 »
— 7 » 3 » 50 »	— 7 » 4 » — »	— 6 » 3 » — »	— 6 » 3 » 50 »
— 5 » 2 » 50 »	— 5 » 3 » — »	— 4 » 2 » — »	— 4 » 2 » 50 »
— 3 » 1 » 50 »	— 3 » 2 » — »	— 2 » 1 » — »	— 2 » 1 » 50 »
— 1 » » 60 »	— 1 » » 75 »		

За перемѣну адреса взимается 20 к.
Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

НЕДѢЛЯ.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ

(Екатеринбургъ, Вознесен. пр., д. № 47)
открыта ежедневно, отъ 10 ч. утра до 6
час. веч., а въ праздничные и воскре-
сеньные дни до 11 час. утра.

Статьи и корреспонденціи адресуются
въ редакцію, съ обозначеніемъ имени
автора, его адреса и условій. Статьи,
присылаемыя безъ означенія условій,
считаются бесплатными. Присылаемыя
статьи, въ случаѣ надобности, подле-
жать сокращенію, по усмотрѣнію ре-
дакціи. Ненапечатанныя статьи ни
въ какомъ случаѣ не возвращаются.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства. Хроника. Мелочи всенедневной жизни. Литературный отдѣлъ: Преступница (святочный рассказъ). Стихотвореніе. Новый Годъ. Стихотвореніе. Смѣсь. Объявленія. Оглавленіе „Екатеринбургской Недѣли“ за второе полугодіе 1889 г.

ТЕЛЕГРАММЫ „СѢВЕРНАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА“.

Воскресенье, 17 декабря.

Петербургъ. Журналу „Вѣстникъ Европы“ объявлено первое предостереженіе за осужденіе въ цѣломъ рядѣ статей важнѣйшихъ мѣропріятій правительства и за статью В. Соловьева, внушающую ложныя представленія о русской церкви и государствѣ, колеблющую уваженіе къ ихъ основамъ и вообще къ принципу русской національности.

Вторникъ, 19 декабря.

Петербургъ. Вчера, въ присутствіи министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ и другихъ сановниковъ, открыта выставка профессиональныхъ и ремесленныхъ школъ; число выставившихъ школъ 240, выставленныхъ предметовъ больше 2000.

Лондонъ. Англійскій банкъ повысилъ дисконтъ съ 5 на 6%.

Среда, 20 декабря.

Петербургъ. Опубликовано мнѣніе Государственнаго Совѣта объ открытіи казенныхъ ведерныхъ лавокъ въ Сибири. Указаніе мѣстностей, гдѣ лавки должны быть открыты и избраніе лицъ для производства питейной торговли зависитъ отъ управляющаго акцизными сборами; для открытія лавокъ на земляхъ сельскихъ обывателей не требуется разрѣшительныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ.

Тамбовъ. Губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о скорѣйшемъ измѣненіи программы классическихъ гимназій и объ облегченіи занятій. Собраніе постановило лѣченіе душевно-больныхъ крестьянъ принять на свой счетъ.

Суббота, 23 декабря.

Петербургъ. Общество врачей окончательно рѣшило возбудить ходатайство объ открытіи подлинки на фондъ Боткина не для устройства вдовьяго дома, какъ первоначально предполагалось, а вообще благотворительнаго учрежденія.

„Гражданинъ“ сообщаетъ, что предполагается изъять изъ городскихъ общественныхъ банковъ вѣчные вклады духовнаго вѣдомства и передать ихъ въ Государственный банкъ.

Воскресенье, 24 декабря.

Самаркандъ. Съ перваго января 1890 здѣсь будетъ выходить, подъ редакторствомъ и издательствомъ Полторанова, политическо-литературная ежедневная газета „Окраина“. Это первый частный органъ въ русскихъ владѣніяхъ Средней Азіи.

Вторникъ, 26 декабря.

Петербургъ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 21 іюня 1889 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, Рязско-Вяземская и Моршанско-Сызранская желѣзныя дороги перешли въ собственность казны; при чемъ акціи обществъ сихъ дорогъ подлежатъ замѣнѣ правительственными облигаціями, на изложенныхъ въ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи условіяхъ. Высочайше утвержденнымъ 20 декабря 1889 года, положеніемъ комитета министровъ разрѣшено: ранѣе производства расчета съ акціонерами сихъ обществъ

и обмѣна акцій на облигаціи уплатить по акціямъ названныхъ обществъ проценты на срокъ 2 іюля 1889 года, въ размѣрѣ 8 руб. 16½ коп. мет. на каждая двѣ акціи по 125 руб. мет. нарицательныхъ. Министръ финансовъ объявляетъ, что уплата означенныхъ процентовъ за удержаніемъ сбора, установленнаго съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, будетъ производиться, начиная съ 2 января 1890 года: въ Россіи — въ С. Петербургѣ, въ Государственномъ банкѣ, за-границей по акціямъ общества Рязско-Вяземской дороги: въ Берлинѣ — у Мендельсона и К°, въ Амстердамѣ — у Липманъ, Розенталя и К°. и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ — у Зульцбахъ; по акціямъ общества Моршанско-Сызранской желѣзной дороги: въ Берлинѣ — у Мендельсона и К°, въ Амстердамѣ — у Липманъ, Розенталя и К°, въ Парижѣ — въ учетной національной конторѣ и въ Лондонѣ — у братьевъ Берингъ и К°; при чемъ указанные проценты будутъ выдаваемы по представленіи самихъ акцій, которыя, по наложеніи на нихъ штемпеля въ удостовѣреніи уплаты процентовъ, будутъ за сими возвращаемы ихъ владѣльцамъ.

Четвергъ, 28 декабря.

Петербургъ. Совѣтъ министра Финансовъ воспретилъ банкирской конторѣ Клима въ С.-Петербургѣ производство операцій продажи подъ какимъ бы ни было видомъ внутреннихъ процентныхъ съ выигрышами бумагъ съ разсрочкой платежа.

Пятница, 29 декабря.

Петербургъ. „День“ сообщаетъ, что сдѣлано распоряженіе о безусловной отмінѣ права учениковъ классическихъ гимназій переходить въ реальныя училища безъ экзамена.

Сегодня, въ залѣ Дворянскаго собранія, въ присутствіи Великаго Князя Константина Константиновича, министра Народнаго Просвѣщенія и высокопоставленныхъ лицъ, состоялось торжественное открытіе восьмого сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.

ХРОНИКА.

Экстренное засѣданіе Екатеринбургской городской думы 18 декабря.

Признавши, что городскому управленію для покрытія дефицита, образовавшагося отъ производства расходовъ, вызываемыхъ необходимостью, нужно сдѣлать заемъ, дума, въ одно изъ предъидущихъ засѣданій, дала порученіе городской управѣ узнать: гдѣ и на какихъ условіяхъ можно таковой заемъ сдѣлать. Управа исполнила это порученіе и внесла въ настоящее засѣданіе докладъ, изъ котораго дума узнала, что операцію займа всего выгоднѣе возможно произвести въ Нижегородско-Самарскомъ земельномъ банкѣ. Послѣ непродолжительныхъ преній постановлено: подъ залогъ Старого и Нового гостинныхъ и Мытнаго дворовъ произвести заемъ въ указанномъ банкѣ въ 100/т. руб. срокомъ на 18 лѣтъ и 7 мѣ-

сяцевъ, для каковой цѣли и дать управѣ необходимыми полномочіями.

Театръ. Теперь, когда мы имѣли возможность видѣть нѣсколько піесъ, въ которыхъ выступали корифеи нашей драматической труппы, мы можемъ сказать, что каковы-бы ни были ея недостатки, но въ общемъ она вполне удовлетворительна и доставляетъ не мало удовольствія публикѣ. Театръ посѣщается не менѣе охотно, нежели и во время прибыванія здѣсь оперетты, а уже это одно, краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, говоритъ за то, что труппа нравится. Спектакли, кромѣ немногихъ исключеній, идутъ гладко, *Г. Дмитриевъ-Волынский, Рахимовъ и Аяровъ* дѣльные и талантливые актеры въ роляхъ своего амбула; что-же касается женскаго персонала, то онъ кромѣ г-жи *Штольцъ-Тумановой* и г-жи *Тенишевой* остался проплогодній и поэтому хорошо знакомый нашей публикѣ, такъ что распространяться о немъ было-бы излишне. Г-жа Тенишева опытная и полезная актриса она своей правдивой и живой игрой производитъ пріятное впечатлѣніе.

H. (Si).

28 декабря состоялся обычный балъ въ общественномъ собраніи. Въ 12-мъ часу было подано шампанское, и старшина Н. А. Орловъ поздравилъ собравшихся членовъ и гостей съ 17 годовщиной основанія клуба и предложилъ тостъ за его дальнѣйшее процвѣтаніе. Залъ, освѣщенный аэіогно, убранный зеленью и флагами и наполненный оживленной толпой кавалеровъ и дамъ въ блестящихъ туалетахъ, между которыми было нѣсколько выдающихся по богатству и изяществу, представлялъ очень красивое зрѣлище. Во время танцевъ игралъ оркестръ подъ управленіемъ г. Винярскаго. Народу было много, но, на нашъ взглядъ, менѣе прошлаго года. Балъ прошелъ очень весело, танцевали до 6-го часа, но мы слышали нѣсколько сѣтованій на распорядителей, что кадрили *monstre*, въ которой принимаютъ участіе далеко не всѣ танцующіе, была назначена послѣ второй, а не послѣ третьей кадрили.

Мелочи вседневной жизни.

Новый годъ. Первенецъ сынъ. Не оправдавшіяся надежды. Неразумная старуха. Мои новогоднія пожеланія.

Сегодня, только пробьетъ 12 часовъ ночи, совершится великое событіе—произойдетъ рожденіе новаго года... Какъ вообще водится, рожденіе этого новаго сына нашего просвѣщеннаго XIX столѣтія будетъ встрѣчено поздравленіями и приличными возліаніями: интеллигенты чокнутся шампанскимъ садовъ князя Голицына или Губонина, благонамѣренное купечество—мადерой бр. Елисеѣвыхъ № 127¹/₄, нищее мѣщанство и голытьба-мастеровщина—водкой Суслина № 1, Поклевскаго и многими другими марками нашихъ добродѣтельныхъ заводчиковъ-благодѣтелей. Словомъ—всѣ, и бѣдный, и богатый, въ виду такого радостнаго для ихъ сердца событія, поставятъ послѣднюю копейку ребромъ, чтобы достойно его отпраздновать и имѣть возможность интеллигенту и купечеству проснуться на другой день съ больной головой, первому на пружинныхъ тюфякахъ, второму на луговыхъ горахъ-перинахъ, а послѣднимъ, частію въ кутузкѣ, частію у воротъ своей или чужой квартиры и только болѣе счастливымъ на голыхъ доскахъ своихъ собственныхъ кроватей...

Съ тѣхъ поръ, какъ мудрый преобразователь Россіи, Великій Петръ, установилъ празднованіе рожденія новаго года, именно въ 12 часовъ ночи съ 31 декабря на 1-е января, мы, неуклонно и добросовѣстно принимая ежегодно отъ г-на Сатурна Урановича его возлюбленное дѣтище, радуемся и ликуемъ, хотя, если разобрать дѣло по существу, какъ говорятъ юристы, едва ли найдутся для этихъ ликованій оправдательные документы...

* *

Радуются и ликуютъ отецъ и мать, когда имъ посылаетъ Богъ первенца сына.

— Ангелъ мой, Настинька, говоритъ счастливый отецъ, обнимая и цѣлуя свою подругу, гордую сознаниемъ, что она—мать, что она дала гражданина своему возлюбленному отечеству, Настинька! благодарю моего Бога, что все кончилось благополучно, теперь у насъ будетъ въ жизни цѣль, теперь мѣ и работа не страшна: знаю, для кого стану трудиться... Сынъ! ты пойми только—сынъ!.. Выучится—опорой будетъ намъ въ старости: кормилецъ-поилецъ! и послѣдняя копейка идетъ въ дѣло, чтобы достойно отпраздновать радостное событіе, рожденіе первенца-сына!...

Сынъ растетъ, проходя сквозъ строй всевозможныхъ дѣтскихъ болѣзней: то у него животикъ что-то болитъ, то зубки начали рѣзаться, то корь, то... впрочемъ, только чортъ да доктора знаютъ всю номенклатуру дѣтскихъ болѣзней, которая перенесъ онъ... Наконецъ, настала та пора, когда надо сына учить...

Классикомъ или реалистомъ предназначено судьбой быть ему—все равно, ибо корень ученія одинаково горекъ, но за то и плоды его... тоже не сладки. Является цѣлый рядъ новыхъ заботъ у счастливыхъ родителей: взносы въ заведеніе, учебныя пособія, сапожки, мундирчики, пальто и т. д. до безконечности—это съ матеріальной стороны, а съ нравственной, страданія неисчислимы: переведутъ или не переведутъ, кончить или не кончить?!

— Кончилъ! слава тебѣ, Царю небесному!

Сынъ становится членомъ общества, а какъ родители, кромѣ его, первенца, успѣли обзавестись еще цѣлой подюжиной ребятъ обоюго пола, тоже переживающихъ всѣ перипетіи дѣтскихъ болѣзней и питанія горькими корнями ученія, то первенецъ—Володя является единственной опорой семьи; ибо старикъ-отецъ, при новомъ преобразованіи департамента Вождельній, гдѣ онъ прослужилъ всю свою жизнь и, получивши годовой окладъ жалованья, пряжку въ петлицу да геморрой въ поясницу, остался за штатомъ....

Семья на порогѣ нищеты! Володя мечется какъ угорѣлый, добиваясь хоть какого-нибудь „мѣстечка“, но, увы, на каждое грошовое жалованье десятки претендентовъ, а поэтому попасть на „мѣстечко“ такъ же трудно, какъ выиграть двѣсти тысячъ, не имѣя билета не только перваго или втораго займа, но даже свидѣтельства на „новѣйшій“ заемъ. И начинается безрадостное существованіе цѣлой семьи, отъ ея главы—отца, такъ радовавшагося рожденію своего первенца включительно до этого самаго первенца, виновника давно-давно миновавшихъ ликованій...

* * *

Не то же ли самое происходитъ и съ Новымъ годомъ? Какъ мы ждемъ его, какъ радуемся его появленію, какія надежды и упованія возлагаемъ на него, а онъ, въ концѣ концовъ, почти всегда оказывается тѣмъ самымъ билетомъ, на который неразумная старушка надѣялась выиграть двѣсти тысячъ.

— Слава тебѣ, Господи! билетъ у меня законный, не просроченный, во второй части прописанъ и кепачи приложенъ, и особая примѣта—на щекѣ родимое пятно—обозначены, а двухъ, этихъ самыхъ, сотъ тысячъ все нѣтъ какъ нѣтъ!...

Да, читатель, если смѣшна эта наивная старушка, разсчитывающая получить выигрышъ на имѣющейся у нея паспорть, то едва ли далеко отъ нея, въ умственномъ отношеніи, ушли и мы, люди образованные, вадѣющіеся на благосътѣни новаго года, какъ на каменную стѣну... Правда, хотя инымъ онъ, по словамъ водевиля, и

„Несетъ кресты, чины,

Тѣмъ деньги, милости богаты...

Инымъ же новыя заплаты

На старыя... - - -“

И, къ сожалѣнію, несчастливцевъ, принадлежащихъ къ послѣдней категоріи, легионъ, ибо на нирѣ судьбы много званыхъ, но мало, ахъ какъ мало, избранныхъ!...

Разставаясь съ вами, мои снисходительные читатели, до будущаго новорожденнаго года, я искренно желаю, чтобы всѣ мы, сколько насъ ни есть въ дорогомъ, любимомъ нами оте-

чествѣ, старый и малый, богатый и нищій, вмѣстѣ съ новымъ годомъ получили... возможность осуществить идею умнаго французскаго короля Генриха IV, желавшаго, чтобы каждый имѣлъ ежедневно курицу въ своемъ супѣ, а это хотя скромное, но самое лучшее изъ всего, что я могъ бы пожелать!...

Дядя Листарь.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПРЕСТУПНИЦА.

(Святочный рассказъ).

Посвящается Л. О. Симоновой.

Во второй половинѣ октября я ѣхалъ изъ г. Ялуторовска въ славный городъ Грязеславскъ, чтобы, сѣвши въ немъ на желѣзнодорожный поѣздъ, попасть въ еще болѣе славный городъ Бамбуекъ, откуда уже прослѣдовать къ славнѣйшій Пльшивогорскъ, въ которомъ я, говоря языкомъ героевъ старинныхъ романовъ, „былъ осужденъ властной судьбой владѣть безрадостные дни моего существованія“.

Еще съ вечера началъ падать снѣжокъ, которому я невыразимо обрадовался, потому что на разстояніи пяти сотъ верстъ на собственныхъ бокахъ успѣлъ испытать всю прелесть перекладныхъ коробковъ, вытрясывающихъ душу путника по мерзлой, кочковатой дорогѣ; къ полуночи подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, снѣгъ повалилъ хлопьями и поднялся настоящій сибирскій буранъ, описывать который я не стану, ибо тому, кто не испыталъ его, описаніе ничего не объяснить, а кто вынесъ его хоть однажды, у того и безъ описанія онъ навсегда останется въ памяти.

Съ большимъ трудомъ, проплутавъ нѣсколько часовъ, сбившись верстъ на десять въ сторону отъ большого сибирскаго тракта, мнѣ удалось добраться до деревни, гдѣ я и остановился до утра, надѣясь, что къ тому времени метель стихнетъ; но надеждамъ моимъ не суждено было сбыться. Настало кислое зимнее утро, а буранъ не уменьшался. Также яростно вылъ вѣтеръ, нанося цѣлыя горы снѣга; вся природа представляла собой одну бѣлую, непроницаемую для взора, снѣговую стѣну, но ждать мнѣ было нельзя, и я рѣшился ѣхать. Какъ оно и слѣдуетъ „доброму русскому мужичку“ съ меня заломили невозможную цѣну за двѣнадцативерстный перегонъ до первой почтовой станціи, откуда оставалось всего 31 верста до славнаго города Грязеславска.

— Побойтесь вы, братцы, Бога, усовѣщивалъ я, вѣдь теперь день,—правда, буранъ, зато мороза нѣтъ, сами же вы говорите, что до Килокъ всего двѣнадцать верстъ.

— А ты ихъ мѣрялъ, что ли? Може 12, а то и всѣ 20, отвѣчали мнѣ набившіеся въ избу „братцы“.

— Да, вѣдь, вы сами же....

— Мало ли чего сами! Народъ, извѣстно, глупъ, сболтнетъ сдуру... Ты глянь-ко въ окно-то: свѣта Божьяго не видно!... Тутъ живота можно рѣшиться, а ты торгуешься: не порядки это, барины, вотъ что!

— Такъ и я могу тоже „живота рѣшиться“—вмѣстѣ поѣдемъ....

— А ужъ это, милый человѣкъ, дѣло ваше. Десять серебра положь—куда ни шло, было бы изъ чего смерть примать! ораторствовалъ молодой парень съ кудрявой головой и очень симпатичнымъ лицомъ.

— Ну, это ты тоже зря, Ванька, до смерти еще далеко, стало и болтать нечего, а что десять серебра самая Божеская цѣна, потому—кто здѣсь мѣрялъ.... замѣтилъ другой мужикъ.

— Бра-атцы! что же, въ самомъ дѣлѣ, за двѣнадцать верстъ десять рублей, развѣ можно?!

— Ништо тебя неволятъ? нельзя и сиди, мы твоихъ денегъ не желаемъ, вольному воля, спасенному рай!... Айда-те, ребята, коли не угодно господину, то и не надо....

Мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать, какъ согласиться и около часа дня я былъ въ Грязеславскѣ.

Поѣздъ уходитъ въ 9 часовъ вечера; стало быть, мнѣ приходилось пробыть въ городѣ около восьми часовъ, поэтому я велѣлъ своему ямщику везти меня въ гостинницу, такъ какъ теперь, благодаря цивилизаціи, нѣтъ ни одного, даже самаго поскуднаго захолустнаго городишка, въ которомъ не нашлось бы „номеровъ для господъ проежающихъ“.

Послѣ долгихъ скитаній по безлюднымъ, занесеннымъ сугробами снѣга, пустыннымъ улицамъ, мнѣ удалось, наконецъ, увидѣть на всротахъ дома вывѣску съ завѣтной надписью, и я вѣхалъ во дворъ „номеровъ“.

— Свободная комната есть? обратился я къ встрѣтившему меня коридорному.

— Есть, пожалуйста-съ!.. Позвольте шубку отряхнуть—занесло васъ оченно, сударь, услужливо суетился около меня коридорный, брюнетъ средняго роста, съ черными усами, въ засаленномъ скрутокѣ и валенкахъ.

— Ну и погодка же! зги не видать, какъ это вы доѣхали, сударь? Пожалуйте-съ во второй номеръ: упокойчикъ за первый сортъ, извольте обзрѣть, говорилъ онъ, вводя меня въ довольно большую комнату, самоварчикъ прикажете или фрыштыкъ-съ? Поваръ у насъ отмѣннѣйшій на каждый вкусъ потрафитъ въ состояніи.

Въ ожиданіи самовара и завтрака я осматривалъ свой „упокойчикъ“. Въ одномъ углу, за ситцевыми занавѣсками, помѣщалась кровать, вдоль стѣны стоялъ большой письменный столъ со множествомъ ящичковъ и шкапиковъ, украшенный пятью-шестью селенитовыми пепельницами; между двухъ оконъ, упирившихся въ брандмауэръ сосѣдняго двора, висѣло тусклое зеркало; диванъ съ овальнымъ столомъ и нѣсколько креселъ, обитыхъ, порядочно но запачканной полшерстяной матеріей съ крупными цвѣтами и арабесками; нѣсколько олеографій, развѣшенныхъ по стѣнамъ, довершали убранство комнаты, очень недурной для грязеславской гостинницы, гдѣ пріѣзжіе, по словамъ коридорнаго, за немногими исключеніями, бывають только по высокоснымъ годамъ въ день преподобнаго Кассіана.

Самоваръ былъ поданъ, чай выпить, завтракъ съѣденъ... До отхода поѣзда оставалось еще добрыхъ пять часовъ. Метель не только не унималась, но, казалось, усилилась еще больше. Въ окна, кромѣ брандмауэра и валиваго снѣга, ничего не было видно, пройти по городскимъ улицамъ въ эту непогодъ нечего было и думать... Тоска... Я позвалъ коридорнаго.

— Нѣтъ ли у васъ при гостинницѣ какой-нибудь библиотеки? обратился я къ нему.

— Это, сударь, въ какихъ смыслахъ-съ?

— То есть, я хочу сказать, нельзя ли достать какую-нибудь книгу? Я заплатилъ-бы...

— Книгъ у насъ хозяинъ не держатъ, а вѣдомости выписываютъ.

— Вотъ и прекрасно! Какія вѣдомости?

— Отличнѣйшіе-съ: „Петербургскую Газету“-съ!... Доложу вамъ, сударь, хоша господа проѣзжающіе и мало оной антиресуются, но мы, служители, остаемся премного хозяйну благодарны—занятые рассказы тамъ есть. Я-то, признаться, малограмотенъ, но у насъ поваръ очень большое пристрастіе къ ней имѣетъ. Ину пору забѣжишь на кухню—послушаешь, каждое слово понятно: словно бы дворникъ съ водовозомъ переругиваются. Ей-Богу!... Оченно любопытно!... Ну, и на счетъ убійствъ, или, къ примѣру, происшествій.... Запятная газета!... Прикажете подать? Неудбно-съ?.. Слушаю-съ!...

Скука одолѣвала меня, я даже началъ жалѣть, что не потребовалъ себѣ, столь лестно зарекомендованную лакеемъ, „Петербургскую Газету“ и отъ нечего дѣлать сталъ въ десятый разъ пересматривать олеографіи. Надъ письменнымъ столомъ висѣла большая картина, изображавшая полуобнаженную женщину, съ вызывающей улыбкой; надъ диваномъ

—какое-то фантастическое дерево, убранное разными охотничьими принадлежностями и т. п. Совершенно машинально я выдвинул незапертый ящик письменного стола и увидел в нем несколько, мелко исписанных листков почтовой бумаги. Съ понятным любопытством я взял их и убедившись, что написанное заключало в себя нечто в родѣ разсказа, я улегся на диванъ и занялся чтеніемъ.

..... „Неужели это правда? Неужели она, моя дорогая, моя милая Катя, въ которую я положилъ всю свою душу, рѣшилась на преступленіе?... Если бы кто-нибудь не только сказалъ, но намекнулъ мнѣ на возможность чего-либо подобнаго, я своими руками, вотъ этими самыми руками, которыми пишу сейчасъ, задушилъ бы сказавшаго, какъ лжеца, клеветника, негодяя!... А между тѣмъ, это правда: мои собственные глаза видѣли все... Господи! Катя... Катя! что ты сдѣлала? и за что? за что? Я ли не любилъ тебя, я ли не лелѣялъ, не предупреждалъ всѣхъ твоихъ желаній!... Катя, этотъ ангелъ во плоти—преступница!... Боже мой! Правда, Василій, другъ мой—чуть не со дня рожденія, не разъ говорилъ мнѣ, что пятидесятилѣтнему не слѣдуетъ жениться на дѣвочкѣ-ребенкѣ, которому только что исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ убѣждалъ меня, что дѣвушка, у которой впереди вся жизнь, молодость, миловидность, не можетъ быть подругой такого больного, стоящаго одной ногой въ могилѣ, старика, что онъ даже слышалъ, какъ Анна Ивановна, мать Кати, говорила своимъ знакомымъ, поздравлявшимъ ее съ замужествомъ ея дочери.

— Конечно, по лѣтамъ они далеко не пара, но Катя у меня умна, понимаетъ, что пристроиться необходимо, а Николай Павлычъ, хоть и не молодъ, за то съ хорошимъ состояніемъ, любитъ ее какъ дочь и наканунѣ свадьбы составилъ духовное завѣщаніе, которымъ все передалъ моей Катѣ, она тоже привыкнетъ къ нему и станетъ уважать его, какъ отца! Вотъ что говорила Анна Ивановна!

Я люблю Катю, какъ дочь! Какая злая иронія! Если при одномъ взглядѣ на милую дѣвушку у меня замирало сердце, кровь приливала къ вискамъ, я терялъ всякое самообладаніе, ревновалъ до бѣшенства не только къ людямъ, но къ стульямъ, столамъ, къ чашкѣ, изъ которой она пила, къ ложкѣ, которой она ѣла, я готовъ былъ цѣловать полъ, по которому она ступала... Въ ней одной олицетворилъ я тотъ идеалъ, котораго тщетно искалъ всю жизнь... Съ трепетомъ, коснѣющимъ отъ застѣнчивости языкомъ, лепеталъ я ей слова любви, просилъ ее стать моей женой... Все, все, что я имѣю: мои деньги, мое состояніе, положилъ къ ея милымъ ногамъ... И это значитъ любить, „какъ дочь!“ Боже мой, Боже мой!...

Мы женились, наконецъ! Мой угрюмый, старый, до смерти опостылѣвшій мнѣ, домъ словно помолодѣлъ: Катя внесла въ него жизнь, веселье, радость... Я самъ забылъ, что за моими плечами стоятъ долгихъ пятьдесятъ лѣтъ со всѣми прошлыми, теперь уже миновавшими, невзгодами одинокой холостой жизни. Катя моя воскресила меня, заставивши полюбить пустопорожнюю, никому ненужную до этихъ поръ, жизнь!...

Не прошло мѣсяца, какъ Катя захворала... Я началъ мечтать, правда, скрывая въ глубинѣ души свои мысли, что болѣзнь ея не больше, какъ обыкновенныя послѣдствія супружества, я думалъ, глупый человѣкъ, что въ этомъ старомъ домѣ появится молодая жизнь моего сына, который будетъ неразрывнымъ, связующимъ звеномъ между мною и моимъ безцѣннымъ сокровищемъ—Катей... Надо было пригласить доктора. Сама Катя сказала мнѣ, что она будетъ лечиться только у Стародубова, молодого, но уже опытнаго врача, специалиста по женскимъ болѣзнямъ. Мнѣ было все равно, лишь бы она была здорова... Я отправился къ Стародубову и просилъ его быть нашимъ домашнимъ врачомъ. Онъ согласился охотно, такъ какъ и прежде былъ домашнимъ докторомъ Катиной семьи. Стародубовъ показался мнѣ очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ: сдержаннымъ, скром-

нымъ, внимательнымъ... Онъ сталъ посѣщать нашъ домъ; Катя, видимо, чувствовала себя лучше въ его присутствіи: она веселѣла, становилась разговорчивой, даже болтливой, но, оставаясь со мной, у нея снова дѣлались приступы жестокой головной боли, ей снова надо было абсолютное спокойствіе, и я или уходилъ въ свой кабинетъ, или уѣзжалъ въ клубъ...

Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Знакомые, съ какой-то странной улыбкой, осведомлялись о здоровьи моей Кати, я благодарилъ за вниманіе. Лишь по временамъ мнѣ было непонятно, отчего мой домъ посѣщаютъ только одни мужчины, а жены ихъ, не смотря на всѣ мои приглашенія, отвѣчаютъ уклончиво и не ѣздятъ, хотя Катя не разъ дѣлала имъ, всегда неудачные, визиты въ тѣ немногіе часы, когда здоровье позволяло ей выѣзжать.

Однажды Василій, съ которымъ мы за послѣднее время видѣлись довольно рѣдко—Катя ему не симпатизировала—замѣтилъ мнѣ, что было бы лучше перемѣнить доктора.

— Почему это, спросилъ я его, развѣ онъ малосвѣдущій?

— Я этого не говорю, но... ты, пожалуйста, не волнуйся, говорятъ другіе... что онъ для твоей жены болѣе, нежели докторъ.

— Проклятіе! Кто это говорить?

— Всѣ...

— Всѣ! Какъ же осмѣливаются они, эти „всѣ“, клеветать на ангела. Завидно имъ, что мы счастливы, имъ, этимъ „всѣмъ“, надо отравить чью-нибудь жизнь, безъ этого они обойтись не могутъ! Какъ осмѣлился ты, столько лѣтъ называвшій себя моимъ другомъ, сказать мнѣ объ этихъ мерзкихъ сплетняхъ. Не другъ ты послѣ этого, а мой злѣйшій врагъ!.. И я въ запальчивости наговорилъ ему много жесткихъ, безсердечныхъ словъ.

Мы разстались съ Васильемъ навсегда...

Конечно, я не повѣрилъ словамъ Василья, но сѣмя сомнѣнія, заброшенное въ мое сердце, отравляло всю мою жизнь.

Допустимъ, Катя увлеклась Стародубовымъ, скажу больше, она полюбила его, наконецъ, отдалась ему, но я, вѣрившій въ нее, какъ въ святую, былъ спокоенъ, былъ счастливъ моимъ невѣдѣніемъ, зачѣмъ же нужно было разрушать это счастье? Кому мѣшало оно? „Невысказанное не существуетъ“—эта аксіома должна быть написана на всѣхъ стѣнахъ, надо всѣми дверями домовъ, это своего рода талismanъ, которое не долженъ смѣть забывать никто!... Но людямъ мало ихъ собственныхъ дѣлъ, ихъ собственныхъ семейныхъ дразгъ,—нѣтъ, имъ нужно мѣшаться въ жизнь другихъ, своими злыми языками разбивать эту, имъ принадлежащую, жизнь... своими грязными руками конаться въ чужихъ сердцахъ!.. Не правъ былъ Шиллеръ, сказавши, что люди порожденіе крокодиловъ, это слишкомъ нѣжно, слишкомъ мягко для нихъ:—люди порожденіе дьяволовъ-искусителей, исчадіе ада!.. Будьте вы всѣ мною прокляты!..

Я сталъ наблюдать за Катей и Стародубовымъ. Слѣди за ними съ предвзятой мыслью, я въ каждомъ, просто сказанномъ, словѣ видѣлъ намекъ, я изощрялъ свой умъ, чтобы, такъ сказать, читать между строкъ и ежедневно все больше и больше убѣждался, что они, эти „всѣ“, были правы: Катя любила Стародубова и ненавидѣла меня, меня, которому въ любви и вѣрности она клялась передъ алтаремъ... Это открытіе разбило мое сердце, разстроило нервы, и я заболѣлъ...

Однажды я прилежъ на кушетку въ своемъ кабинетѣ, около меня на столикѣ стоялъ стаканъ съ холоднымъ чаемъ; я находился въ какомъ-то забытіи: глаза мои были закрыты, и я не могъ поднять отяжелѣвшихъ вѣкъ, но крайне напряженный слухъ чутко улавливалъ каждый звукъ, каждый шорохъ... Среди мертвенной тишины кабинета я услышалъ шелестъ шолковаго платья, затѣмъ приближающіеся ко мнѣ осторожные шаги и потомъ звукъ чайной ложечки, ударившей о край моего стакана. Сдѣлавши невѣроятное усиліе, я открылъ глаза и увидѣлъ Катю, поспѣшно уходившую въ

дверь гостиной; на полу, у столика, что-то блѣло. Съ трудомъ приподнявшись, я достала это „что-то“; то была бумажка, въ какую завертываютъ аптекари порошки, и, къ ужасу моему, увидѣла на оборотной ея створѣ надпись „Стрихнинъ!“...

Холодный потъ обдалъ меня! Руки опустились, и я на нѣсколько секундъ потерялъ сознание. Но только на нѣсколько секундъ....

— Такъ вотъ что, змѣя! Тебѣ мало было обманывать меня съ своимъ любовникомъ, тебѣ надо было избавиться отъ меня, и ты рѣшилась на убійство, презрѣнная, подлая женщина! Ты теперь ликуешь, даже можетъ быть, ласкаешь своего сообщника! Не рано ли? Подождите радоваться, мои друзья, я еще не умеръ, у меня еще достанетъ силъ задушить васъ обоихъ...

Я всталъ, отлилъ половину чая въ стоявшій на окнѣ цвѣточный вазонъ и снова улегся на купетку. Прошло съ полчаса. Весело улыбаясь, вошла въ кабинетъ Катя.

— Ну что, мой другъ, какъ ты себя чувствуешь? спросила она меня, поглядывая на стаканъ.

— Не хорошо мнѣ, милая, страшная тошнота, подъ ложечкой жжетъ, голова кружится, словомъ—ожверно, отвѣчалъ я, едва скрывая овладѣвшее мною волнение.

— Ты бы выпилъ чаю, это освѣжитъ тебя, проговорила она, подавая мнѣ стаканъ, выпей, мой милый,—право, это поможетъ.

Тутъ я не выдержалъ.

— А, змѣя! убійца! ты не можешь даже подождать нѣсколько минутъ, пока я самъ выпилъ бы приготовленную тобой отраву, ты, такая молодая, но уже такъ развращена, что, недрогнувъ, подносишь ядъ твоему благодѣтелю—мужу, такъ пей же сама! Пей, подлая!

Я охватилъ шею Кати, стараясь вылить ей въ ротъ остатки чая.

— Пей! Все равно—я задушу тебя, змѣя! неистово кричалъ я.

— Люди! помогите! Онъ съума сошелъ, онъ убьетъ меня! Люди!.. кричала Катя, силясь вырваться изъ моихъ рукъ.

Въ смежной комнатѣ послышались торопливые шаги, стукнула дверь, и я... проснулся.

Стѣнная лампа освѣщала комнату, передо мной стоялъ коридорный, а на полу, возлѣ дивана, валялась залитая бульономъ „Петербургская Газета“.

— Четверть девятого, сударь, скоро отходить поѣздъ, докладывалъ мнѣ коридорный.

— А гдѣ же Катя? недоумѣвая осматриваясь кругомъ, и все еще не придя въ себя, проговорилъ я.

— Катя, сударь, наволочки на ваши подушки надѣваетъ, снѣгомъ-то ихъ, знаете ли, позамочило, теперь просохли, она сею минутою придетъ-съ! Что же, занятая газеткою? продолжалъ коридорный, поднимая номеръ, поваръ просилъ принести, потому какъ давеча, для вашей чести я ее у него отобралъ, а онъ сказывалъ, что больно ему хочется дочитать объ одномъ убивствѣ, какъ жена,—пропади она пропадомъ,—мужа своего извести хотѣла...

— Такъ вотъ оно что!.. Все это былъ сонъ, навѣянный на меня чтеніемъ дурацкой статьи „Петербургской Газеты“, подумалъ я, поспѣшно вставая, и расплатившись по счету, давши „на чайкъ“ коридорному, „незабывши“ дворника, „поблагодаривши“ Катю-горничную, жену коридорнаго, вышелъ на крыльцо.

Метель перестала. Высокостоявшая на небѣ луна обливала своимъ голубымъ свѣтомъ крыши домовъ, словно новымъ, только что отполированнымъ серебромъ, покрытыя свѣжими молодымъ снѣгомъ.

Ниль А—гъ.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

*Пусть будемъ счастливы такъ же полны,
Какъ полонъ нашъ бокалъ виномъ!*

*Дай Богъ, чтобъ жизненные волны
Не дали намъ забыться сномъ!*

*Вино рѣзнется и сверкаетъ,—
Такъ будемъ веселы и мы;
Пусть намъ оно напоминаетъ
О лучшихъ дняхъ родной страны.*

*За Новый Годъ! и съ новой силой
Трудиться будемъ цѣлый годъ;
Когда работа—трудъ любимый,
Она всегда идетъ впередъ.*

*Теперь дадимъ другъ другу руки
И выпьемъ все вино до дна.
Гдѣ дѣло есть, тамъ нѣтъ и скуки,
А гдѣ любовь—тамъ и весна!*

Б.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ.

Новый годъ!.. Въ дни далекаго дѣтства эти слова звучали такъ заманчиво, такъ радостно! Сколько свѣтлыхъ мечтаній сливалось съ ними, сколько счастья рисовалось за ними вдали будущаго!..

Помнить онъ,—лампадка догорала передъ образомъ, мать сидѣла у его постели и, держа его руку, ласково смотрѣла на него, и шептала:

— Спи, мой милый, ужъ поздно! Скоро новый годъ прилетитъ на землю; принесетъ онъ тебѣ книжку, и мы начнемъ съ тобой учиться.

Любопытство мальчика было затронуто; вопросы посыпались за вопросами, и мать долго ему говорила, что написано въ книгахъ, какія картинки увидитъ онъ тамъ. Онъ слушалъ ее, пока сонъ не смежилъ его глазъ, и ему снились чужія страны и моря, невиданные звѣри и птицы...

Какъ давно это было! Сколько перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ въ его судьбѣ!

Добрая, любящая мать давно покоится подъ могильной плитой; она не дожидая до несчастія, постигшаго сына...

За тихимъ, безмятежнымъ дѣтствомъ пришла юность кипучая, богатая новыми впечатлѣніями, новыми пробуждающимися стремленіями, энергичными, неустойчивыми порывами, горячими, безумными увлеченіями.

Ему помнится небольшая комната съ бѣдной, плохой обстановкой. Клубы табачнаго дыма ходили облаками. Чья-то горячая, вдохновенная рѣчь покрывалась другими рѣчами. Спорамъ, казалось, не будетъ конца. Какія благородныя мысли, какія честныя убѣжденія такъ искренно высказывались этими молодыми, сильными голосами!

Только съ разсвѣтомъ, когда блѣдный день заглядываетъ въ окно, молодежь разошлась по домамъ.

Всѣ поклялись до гроба остаться вѣрными своимъ убѣжденіямъ, всѣмъ казалось, что они навсегда были скованы неразрывными узами...

Новый годъ... Эти слова тогда звучали такъ полно, такъ глубоко, и вѣрилось, что они и всегда такъ будутъ звучать, принося надежду на лучшее будущее.

Жизнь казалась такой привлекательной; хотѣлось труда, какъ можно—болѣе; чувствовались силы предпринять что-то небывалое, грандіозное, отъ чего всѣмъ станетъ легко и весело.

И эта счастливая пора также канула въ вѣчность.

Для бѣднаго юноши весь міръ безконечно сузился, принявъ размѣры крошечной камеры для одиночнаго заключенія; всѣ надежды и стремленія замѣнились безнадежнымъ отчаяніемъ и необходимостью покориться обстоятельствамъ.

А молодая сила не хотѣла сломиться, жила внутренней, подавленной работой, рвались къ простору, ища выхода изъ своей замкнутости...

Гдѣ же обѣтъ, обрекавшій юношу на служеніе правды? Гдѣ муки за меньшаго брата? Гдѣ отрѣшеніе отъ личнаго счастья?

Ему казалось, что все это онъ заключилъ въ своемъ разбитомъ сердцѣ, унесъ съ собой въ тѣсную, мрачную камеру, какъ свое лучшее и единственное достояніе.

Новый годъ!.. Эти два краткихъ слова такъ больно, такъ уныло отдаются теперь въ его душѣ! Ждать нечего: въ будущемъ все покончено, а прошлое никогда не вернется. Впереди—одна безславная доля узника да безысходная тоска, и безъ того подточившая его силы—и душевныя, и физическія, да послѣдняя пристань—могила.

Если бы, хотя на мгновенье, повѣяло на него жизнью извнѣ, гдѣ живые люди вѣрятъ и трудятся, борются и надѣются, любятъ и ненавидятъ!

О, какъ хотѣлось бы ему знать, что стало съ его товарищами за эти два года! Остались ли они вѣрны своему долгу, или слово разошлось съ дѣломъ, и они потонули въ массѣ, размѣнявъ на мелочи свои благородные порывы и убѣжденія.

Башенные часы давно ужъ пробили полночь, а бѣдному арестанту не спится на его жесткой постели. Образы прошлаго длинной вереницей проходятъ въ памяти. Горечь неудавшихся надеждъ, въ связи съ недоконченными стремленіями, не даютъ ему покоя, и онъ порывисто вскакиваетъ порой со своей койки, какъ бы спѣша куда-то.

Какъ будто стѣны тюрьмы недостаточно прочны, а массивныя двери не крѣпко заперты!..

Подъ утро онъ забылся тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Снится ему громадная зала, ярко освѣщенная люстрами. Играетъ невидимая музыка, и пары неслышно скользятъ подъ ея звуки.

Арестантъ удивляется, что его появленіе здѣсь и его костюмъ никому не кажутся странными; на него никто не обращаетъ вниманія, и это радуетъ его. Какъ и зачѣмъ онъ попалъ сюда, онъ и самъ не знаетъ, и ему хочется поскорѣе уйти.

Въ долетѣвшемъ до него смѣхѣ ему почудилось что-то знакомое. Онъ повернулъ голову по тому направленію, откуда слышался смѣхъ, и увидѣлъ молодую женщину, весело разговаривающую съ окружающими ее мужчинами.

Это она! Онъ узналъ ее! Но никогда прежде не видалъ онъ ее въ этой прическѣ съ брильянтовой діадемой, въ этомъ ожерельи, горѣвшемъ безчисленными разноцвѣтными огнями, причудливо скользившими по гранямъ каменьева. Она никогда не носила прежде такихъ дорогихъ бархатныхъ платьевъ.

Скромное черное платье, въ которомъ она ходила на курсы, не имѣло ничего общаго съ теперешнимъ ея костюмомъ.

Чувства, которыя онъ считалъ похороненными, поднялись со дна души и широкой волной охватили все его существо.

Когда-то это юное, прекрасное созданіе было его нравственной опорой, возбуждало его энергію, заражая примѣромъ своей непоколебимой настойчивости, своимъ богатствомъ духовныхъ силъ.

Неужели эта великосвѣтская красавица и та скромная дѣвушка—одно и то же лицо?

Безотчетно подошелъ онъ къ ней, простирая руки, отягченныя оковами, и кандалы зазвенѣли въ тактъ съ его прерывающейся рѣчью.

— Нина, зачѣмъ вы здѣсь? и въ такомъ странномъ нарядѣ? Вы всегда были противъ роскоши, вы презирали наряды, на которые тратятся бѣшенныя деньги. Ваше мѣсто не здѣсь. Зачѣмъ вы не на студенческой вечеринкѣ, гдѣ такъ весело, просто и задушевно встрѣчали мы новый годъ? Уйдите отсюда! Мнѣ такъ много надо пересказать вамъ! я такъ много пережилъ за это время! Нина, я опасался, что потерялъ васъ навсегда.

Величавая дама въ драгоцѣнномъ ожерельи гордо отсту-

пила назадъ. Глаза ея горѣли негодованіемъ; щеки зардѣлись отъ гнѣва, а можетъ быть, и отъ скрытаго смущенія. Глухимъ отъ подавленнаго волненія голосомъ она холодно произнесла:

— Кто вы, дерзкій, и за кого меня принимаете, я не знаю, такъ какъ вижу васъ въ первый разъ.

— Какъ вы смѣете оскорблять баронессу? закричалъ кто-то изъ ея кавалеровъ.

Арестантъ, всматриваясь въ лицо говорившаго, узналъ въ немъ, а также и въ остальныхъ двухъ собесѣдникахъ баронессы, своихъ прежнихъ товарищей по университету.

— Вы не узнаете меня? произнесъ опъ въ волненіи, — а я узналъ васъ, хотя вы страшно измѣнились. Отчего не хотите вы признать во мнѣ товарища?

Теперь настала очередь мужчинъ смутиться.

— Это какой-то сумасшедшій! говорили они, пожимая плечами.

— А когда-то вы любили меня! Ну, да Богъ съ вами! Не хотите узнавать, такъ и не надо!

И, безнадежно махнувъ рукой, арестантъ пошелъ изъ залы. Слезы душили его; малодушіе прежнихъ друзей глубоко оскорбляло его самолюбіе. Долго бродилъ онъ по какимъ-то скудно освѣщеннымъ комнатамъ, гдѣ было пусто и темно, какъ и въ его сердцѣ.

Наконецъ, онъ попалъ въ огромную комнату, такъ же ярко освѣщенную, какъ и танцевальная зала.

За многочисленными столами съ зеленымъ сукномъ сидѣли какіе-то молчаливые господа, глубокомысленно обдумывая ходъ игры.

Казалось, одна общая дума тяготѣла надъ всѣми головами.

Въ нѣкоторыхъ изъ игроковъ юноша также узналъ своихъ прежнихъ товарищей. Когда-то они горячо возставали противъ картъ. Онъ подошелъ къ играющимъ.

— Други! васъ ли я вижу здѣсь? Давно ли молодая жизнь ключемъ кинѣла въ васъ, и вы спѣшили жить, дорожа каждой минутой? Зачѣмъ вы не въ кругу своихъ товарищей, съ которыми вы были такъ тѣсно связаны общими цѣлями, общими взглядами? Зачѣмъ пошли вы по чужой дорогѣ, не нами проложенной и осмѣянной вами еще такъ недавно? Не вы ли презирали карты? Не вы ли трактовали о болѣе разумныхъ, болѣе живыхъ развлеченіяхъ? Но можетъ быть, только въ такихъ пустякахъ пожертвовали вы своими прежними взглядами? Безъ сомнѣнія, вы не измѣнили своимъ цѣлямъ, своему обѣту-быть живой, дѣятельной и разумной силой, быть хоть малымъ звеномъ въ цѣпи тружениковъ прогресса? Ради тѣхъ идеаловъ, которымъ вы поклонялись, умоляю васъ, говорите, вѣрны-ли остались вы себѣ?

Игроки прекратили на время игру. Трудно было прочесть настоящее выраженіе ихъ лицъ. На однихъ виднѣлось не то смущеніе, не то неудовольствіе; другія, всего опредѣленнѣе, выражали насмѣшку.

Одинъ изъ игравшихъ сказалъ, обращаясь къ своимъ партнерамъ:

— Этого, какъ видно, и кандалами не проймешь, руки и ноги скованы, а мысли вольной птицей хотятъ летать.

Тѣ принужденно засмѣялись въ отвѣтъ на эту шутку; но всѣмъ было какъ-то не по себѣ.

Арестантъ зорко слѣдилъ за ними.

— Отчего-же вы не отвѣчаете на мои вопросы?

— Да оттого, что не хотимъ знать ни тебя, ни твоихъ бредней. Что ты къ намъ пристаешь? Уйди, не мѣшай!

— Это все, что нашлось у васъ сказать старому товарищу послѣ разлуки, вызванной такими страшными обстоятельствами?

— У насъ никогда не было друзей изъ арестантовъ. Да и много друзей пришлось бы имѣть, если бы каждый встрѣчный навязывалъ намъ свою дружбу!

— Хорошо, пусть я буду чужой для васъ, такъ какъ мой арестантскій халатъ васъ компрометируетъ. Но тѣ рѣчи, которыя вы такъ горячо произносили когда-то; тѣ клят-

вы, которыя обязывали васъ навсегда остаться честными, полезными гражданами своего отечества, врагами рутины и застоя, неужели и это все вамъ тоже стало чужимъ!

— Каждому должно быть извѣстно, что за сномъ слѣдуетъ пробужденіе. А юность—не тогъ же ли сонъ? Впрочемъ, что съ тобой толковать? Ты такъ наивенъ, что, право, жалокъ и смѣшонъ... Уходи, пожалуйста, отъ насъ. Самъ-то зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Хотя бы затѣмъ, чтобы напомнить вамъ, чѣмъ вы были когда-то, и какъ низко теперь упали!...

Голосъ арестанта наполнилъ всю залу; его могучія, страстныя ноты звучали глубокой тоской и негодованіемъ. Въ гнѣвѣ своемъ онъ потрясалъ руками, и кандалы гремѣли на нихъ.

Онъ не замѣтилъ, что комната переполнилась людьми. Звуки его пламенной рѣчи привлекли вниманіе танцующихъ и они кинулись туда, куда влекло ихъ любопытство.

Когда ораторъ смолкъ, неистовый хохотъ безчисленной толпы былъ ему отвѣтомъ.

Звуки этого смѣха все росли, и... какъ раскаты грома, оглушили арестанта. Онъ кинулся бѣжать, и ему казалось, что хохотъ преслѣдовалъ его.

Онъ бѣжалъ изъ всѣхъ силъ, не видя ничего передъ собой, натываясь на встрѣчавшіеся ему предметы.

Наконецъ, въ какомъ-то темномъ корридорѣ онъ упалъ въ изнеможеніи, готовый лишиться сознанія.

Страшнаго хохота болѣе не было слышно...

Но слуха юноши коснулись какіе-то новые звуки, глубокіе, гармоничные, доносившіеся откуда-то издалека. Онъ сталъ вслушиваться, и вдругъ поднялся на колѣняхъ, скрестивъ руки.

„Медленно движется время...

Вѣруй, надѣйся и жди!

Зрѣй, наше юное племя,

Путь твой широкъ впереди“...—

пѣли невидимые, юношески-чистые голоса.

Какое-то кроткое, почти молитвенное, настроеніе охватило арестанта, и онъ неподвижно, со сложенными руками, стоялъ на колѣняхъ, боясь проронить хотя одно слово. Когда-то эти стихи пѣлъ онъ самъ въ общемъ хорѣ.

Когда пѣніе кончилось, онъ собралъ послѣднія силы, побрелъ туда, откуда слышалось оно. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ двери, въ щели которой выбивался свѣтъ, говоръ и смѣхъ становились яснѣе.

Онъ вошелъ.

Знакомая, скромная обстановка! Только лица новыя. Но вотъ есть и знакомыя: это лица его бывшихъ товарищей.

Какъ немного ихъ!

Слава Богу—не все еще погибло! Пускай большинство выбыло изъ этого кружка, пускай оно вошло въ сдѣлку съ совѣстью и развѣяло по вѣтру свои громкіе обѣты,—эти немногіе, оставшіеся на своемъ посту, неуклонно и твердо пойдутъ къ своей цѣли, и такъ какъ правда на ихъ сторонѣ, то, въ концѣ концовъ, и побѣда склонится тоже на ихъ сторону.

У него стало такъ хорошо, такъ свѣтло на душѣ, что онъ забылъ все, постигшее его за послѣднее время.

Товарищи замѣтили его.

— Другъ! Какими судьбами ты попалъ сюда? Мы вспоминали тебя сегодня, пили за твое освобожденіе.

Слезы хлынули изъ глазъ арестанта, и онъ зарыдалъ, прижавъ голову къ плечу товарища...

Онъ проснулся въ слезахъ, обнимая подушку.

Въ тусклое окно, переплетенное рѣшоткой, пробивался блѣдный свѣтъ наступающаго дня.

Въ открытое окошечко дежурный сторожъ звалъ его по имени, подавая какой-то свертокъ.

Въ немъ были чай, сахаръ, папирсы.

На обложкѣ чая карандашомъ было написано: „отъ друга“.

Кто-то напоминалъ арестанту, что онъ не забытъ.

Елизавета Голова.

Г д ѣ п р а в д а?

Если бѣ жизнь была немножко

Попривольнѣй, посвѣтлѣй,

Я тогда бѣ нашелъ дорожку

И безъ помощи людей...

Не за славой, не за счастьемъ,

А за правдою святой,

Не боясь трудовъ, напастей,

Я бѣ пошелъ дорожкой той;

Облетѣлъ бы землю птицей,

Взвился бѣ соколомъ надъ ней,

И узналъ,—въ какой темницѣ

Скрыта правда у людей?...

Можетъ быть, она въ палатахъ

Яркой звѣздочкой блеститъ,

Иль въ мужицкихъ дымныхъ хатахъ

Пригорюнившись сидитъ...

Иль, по волѣ злого рока,

Крова въ мѣрѣ нѣтъ у ней,

Иль ушла она далеко—

Въ край за тридцать морей!...

Нѣтъ,—напрасны всѣ старанья,

Безполезенъ думъ полетъ:

Не въ тюрьмѣ и не въ изгнаньи

Правда Божія живетъ!

Нѣтъ!—живетъ она безъ шума

Только тамъ, гдѣ вѣра есть,

Гдѣ нѣтъ гордости угрюмой,

Гдѣ царятъ лишь трудъ да честь!...

Л. Безродный.

С М Ъ С Ъ.

Потери Россіи. Если взять приблизительно годичный промежутокъ времени, то получится прискорбный листъ,—пожалуй, еще болѣе внушительный, чѣмъ за послѣдній високосный годъ.

Изъ государственныхъ дѣателей: графъ Лорисъ-Меликовъ, графъ Толстой, графъ Шуваловъ, Паукеръ, Цимсень, Тавѣвъ и Треповъ.

Изъ ученыхъ: Миллеръ, Безобразовъ, Буяковский, Градовскій, Эйхвальдъ, Доброславинъ и Боткинъ.

Изъ литературныхъ дѣателей: Салтыковъ-Щедринъ, Краевскій, Чернышевскій, Заичковская-Хвощинская (Крестовскій), Пассекъ и Николай Успенскій.

Изъ Педагоговъ: Стоюнинъ, Гердъ, Евтушевскій.

Изъ финансоваго и коммерческаго міра: Кокоревъ, Поляковъ, Савва Морозовъ, Варшавскій, Мейеръ, Кислаковскій и Ласскій.

Наконецъ, изъ общественныхъ петербургскихъ дѣателей: Митковъ, Андреевъ и Чернохвостовъ.

Мы привели выше самыя крупныя, выдающіяся имена.

До крайности отличающіе другъ отъ друга не только родомъ дѣятельности, но также взглядами и направленіями, перечисленные умершіе дѣатели имѣли одну общую черту: каждый изъ нихъ представлялъ безспорно большую величину въ своей области.

Выборъ жены по математическимъ даннымъ. Какими свойствами должна быть одарена дѣвушка, чтобы составить счастье мужа?—спросили Жанъ Жака Руссо. Философъ отвѣчалъ слѣдующей таблицей:

Красота	-	-	-	0
Знаніе хозяйства	-	-	-	0
Образованіе	-	-	-	0
Деньги	-	-	-	0
Доброе сердце	-	-	-	1

Такимъ образомъ, если у дѣвушки только доброе сердце, она—1; если къ этому она присоединяетъ еще красоту или деньги, она—10; если соединяетъ въ себѣ нѣсколько качествъ, то она можетъ цѣниться въ 100 и въ 1.000; если-же она обладаетъ всѣми исчисленными качествами, то она цѣнится въ 10.000. Но всѣ эти качества безъ добраго сердца будутъ одинъ рядъ нулей.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

Объявление.

ССУДНАЯ КАССА

кунца Константина Михайлова Андрианова

ВЪ Г. ШАДРИНСКЪ

увѣдомляетъ, что въ четвергъ, 4-го января 1890 года, съ 12 часовъ дня, имѣетъ быть продажа съ аукціона просроченныхъ вещей. № ссуды, сумма которой выше ста рублей 12415. 384-1-1

Объявление.

Крестьянину Пермской губерніи, Екатеринбургскаго уѣзда, волости и села Арамилскаго, Павлу Прокопьеву Ситникову окончится срокъ условія 13-го января 1890 года, на перевозку разныхъ тяжестей, по цѣнѣ ниже сего объявленной, на своихъ лошадяхъ и экипажахъ, изъ города Екатеринбурга въ Миасскій заводъ, для Миасскаго золотопромышленнаго дѣла: за тяжести до тридцати пудовъ по 50 коп. серебр. съ пуда; отъ 30 и до 75 пуд. по 60 коп. сер.; отъ 75 до 150 пуд. по 80 коп. сер.; отъ 150 до 400 пуд. по 1 р. 25 коп. сер., и свыше 400 пуд.—по особому соглашенію.

Кладъ должна быть доставлена не долѣе 10 дней. Этой перевозки за послѣдніе два года было до 500 пудовъ въ среднемъ выводѣ; но въ послѣдній періодъ времени таковая значительно увеличилась.

Въ обезпеченіе подряда принимается движимое и недвижимое имущество подписавшаго условіе.

Торгъ назначается рѣшительный 10-го января 1890-го года, устный и съ запечатанными объявленіями, а подробности условія можно ежедневно видѣть въ Конторѣ Миасскаго золотопромышленнаго дѣла, обращаясь къ бухгалтеру Александру Петровичу Иванову.

Главнуправляющій, отставной генераль-маіоръ *Бориславскій*.
Бухгалтеръ *Ивановъ*. 382-3-2

Вышелъ въ печати и разсылается подписчикамъ
1-Й ВЫПУСКЪ

иллюстрированного издания

„ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНІЮ“.

СБОРНИКЪ

публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: „Популяризація знанія въ Англіи и Америкѣ“. Е. Вормсъ.—„Голосъ у человѣка и животныхъ“. Профес. Г. Бланшара.—„Исторія развитія способовъ передачи мысли“. А. Т.—„Очеркъ психической дѣятельности здороваго человѣка“. А. Тельнихина.—„Умъ и сердце“. Профессора И. М. Догеля.—„Идеалы человѣка“. Хр.—„Положеніе земли въ мировомъ пространствѣ“. Ив. Пол.—„Флора и фауна до-исторической эпохи“. А. Тельнихина.—„Долговѣчность растений“. Профес. В. И. Сорокина.—„Смѣсь. Искусство и его значеніе“. Картина Рафаэля „Мадонна“. А. Новицкаго.—„Исторія пластическихъ искусствъ“. Соч. К. Байз.—Введеніе, переводъ Тесьмина.—„Швейная машина“. А. Карамышевой.—„Образованіе и добычаніе горнаго масла“. Г.—Санитарныя мѣры противъ распространенія чахотки.—„Смѣсь и его значеніе“.—„Праздничный подарокъ“.—„Однорумъ“. Разсказъ Н. Лѣскова.—„Вумъ-Вумъ“. Разсказъ Ж. Кларети.—„Моя гробница въ Оивахъ“. Георга Эберса.—Отдѣлъ посредничества.—Перечень периодич. изданій въ Россіи на 1889 годъ.

Цѣна безъ доставки 2 руб. 20 коп. съ застрахован. пересылкой и у комиссіонеровъ—2 руб. 60 коп.; копѣйки высылаются почтовыми марками. Адресъ: г. Саратовъ. Констант. ул., д. № 33-й. Выписывать можно черезъ всѣ книжные магазины.

Редакторъ-издатель А. Тельнихинъ.

Объявление.

Отъ Горнаго Департамента объявляется, что въ Горномъ Совѣтѣ, помѣщающемся въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, у Синяго моста, десятаго января

тысяча восемьсотъ девяностаго года, имѣетъ быть произведенъ торгъ, посредствомъ однихъ запечатанныхъ объявленій, безъ переторжки, на продажу шестисотъ тысячъ пудовъ штыкового чугуна Гороблагодатскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ, въ томъ числѣ до 18% бороздняка и чугунной ломи, состоящей изъ негодныхъ артиллерійскихъ снарядовъ и чугунныхъ припасовъ.

Желающіе пріобрѣсти означенный чугунъ могутъ подавать письменныя запечатанныя объявленія, или присылать оныя по почтѣ, на точномъ основаніи 144, 145, 146, 147 и 148 и др. ст. Полож. о казен. подрядахъ ч. I. т. X. зак. гражд. (изд. 1887 г.), въ Горный Совѣтъ, не позже 12 часовъ дня 10 января 1890 года, съ представленіемъ вида о своемъ званіи и залога наличными деньгами или процентными бумагами по установленнымъ Министерствомъ Финансовъ для залоговъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ цѣнамъ на $\frac{1}{10}$ часть стоимости покупаемаго чугуна. Все количество чугуна, назначеннаго въ продажу, дѣлится на двадцать четыре партіи, по двадцать пять тысячъ пудовъ каждая, почему желающіе пріобрѣсти вышеозначенный чугунъ обязываются въ поданныхъ объявленіяхъ заявить, сколько желаютъ пріобрѣсти партій чугуна; сообразно сему и предлагаемой цѣнѣ покупщикъ обязывается представить и залого. При заявленіи одинаковыхъ цѣнъ, преимущество будетъ предоставлено тому покупщику, который изъяснитъ желаніе пріобрѣсти большее число партій; въ случаѣ же представленія заявленій на одинаковое число партій одинаковыхъ цѣнъ нѣсколькими покупщиками, выборъ покупщика разрѣшается жребіемъ.

Пріобрѣтенный съ торговъ чугунъ долженъ быть принятъ въ теченіи одного года со дня утвержденія торговъ. Уплата за него производится впередъ, при пріемѣ каждой партіи не менѣе 25/тыс. пудовъ. Платежъ производится наличными деньгами. По минованіи опредѣленнаго выше годового срока, непринятый чугунъ и внесенные за оный плата и задатокъ остаются безвозвратно собственностью казны. Объ утвержденіи торговъ будетъ представлено Г. Министру Государственныхъ Имуществъ.

Кондиціи на настоящую продажу чугуна желающіе могутъ видѣть въ Канцеляріи Горнаго Совѣта и въ Горномъ Департаментѣ, ежедневно, въ присутственные дни.

Осматривать продаваемый чугунъ можно въ заводахъ Гороблагодатскаго горнаго округа Пермской губерніи.

375-3-2

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТОЛИЧНЫЙ ЛОМБАРДЪ.

Екатеринбургское отдѣленіе.

г. Екатеринбургъ,

ПОКРОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ,

домъ т-ва

ПЕЧЕНКИНА и К^о.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЯ

17-го и 31-го декабря сего 1889 г., съ 12 ч. дня,

БУДУТЪ ПРОДАВАТЬСЯ,

СОГЛАСНО УСТАВА ЛОМBARDA,

ПРОСРОЧЕННЫЕ ЗАКЛАДЫ ПО ССУДАМЪ,

выданнымъ

ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ

сего 1889 года.

Управляющій Екатеринбургскимъ отдѣленіемъ

783-2-2

Ломбарда А. Черасовъ.